

Он думал, что Министерство наказаний всё выяснило, и слухи должны были утихнуть. Однако, к его удивлению, публичные результаты расследования не только не сняли с него обвинений, но и спровоцировали новую волну слухов.

Прошло всего несколько дней спокойствия, как хозяйка Подворья Юнчжоу снова подозвала Чэнь Шучжи и тихо сказала ему:

— Я слышала от гостей, что о тебе снова начали говорить.

— Что? — Чэнь Шучжи на мгновение замер. — О чём говорят?

Хозяйка вздохнула:

— Ты знаешь министра Бая? Говорят, что он помог тебе сдать экзамены и расторгнуть помолвку?

— Этот человек существует, но он не делал этого.

— Но все говорят, что это он сделал. — Хозяйка взяла его за руку и медленно сказала:

— Говорят, что ты добился своего нынешнего положения благодаря особым отношениям с министром Байем.

Чэнь Шучжи удивился, как слухи становятся всё более абсурдными? Эти студенты Императорского училища так сильно его ненавидят?

— Нет никаких доказательств, никто не поверит. — Чэнь Шучжи пренебрежительно сказал.

— Будь осторожен... — Хозяйка выглядела обеспокоенной.

Однако Чэнь Шучжи ошибался.

Слухи об измене могли быть расследованы на государственном уровне, и после проверки Министерством наказаний его невиновность была бы доказана. Но теперь эти слухи невозможно было проверить, ведь все видели, что Бай Цунлай признал эти два факта в заключении Министерства наказаний. И только это уже вызывало массу домыслов.

Он думал, что может не обращать внимания на то, что о нём говорят, но те, кто верил слухам, постепенно начали появляться в его жизни, и он не мог их игнорировать.

Сначала он почувствовал удар по затылку в Подворье Юнчжоу, обернулся и увидел, что ребёнок одного из работников бросил в него пару палочек для еды и крикнул:

— Чэнь Шучжи спал с министром, ха-ха-ха!

Несмотря на то что хозяйка и работник извинялись, это не смогло успокоить его гнев.

Затем он заметил, что несколько человек в Академии Ханьлинь стали избегать его. Если он садился рядом с ними, они сразу же собирали свои вещи и уходили. Однажды Цзя Сюань даже серьёзно спросил его:

— Синьли, ты ведь познакомился с министром Байем раньше нас?

— Разве мы не познакомились одновременно? Почему ты так спрашиваешь?

Цзя Сюань почесал голову и смущённо сказал:

— Просто все так говорят, я думал, что у вас действительно есть какие-то отношения...

После этого Чэнь Шучжи понял. Возможно, многие в Академии Ханьлинь считали, что у него были особые отношения с Бай Цунлаем, и что он получил своё место благодаря этим связям.

Позже Чэнь Суйхань вернулся с рынка с пустой корзиной и с растрёпанными волосами, громко ругаясь. Чэнь Шучжи спросил, что случилось, и узнал, что тот услышал, как кто-то обсуждал Чэнь Шучжи и Бай Цунлая, и не смог сдержаться, чтобы не вступить за сына. Но люди узнали, что он отец Чэнь Шучжи, и вся улица начала смеяться над ним, кто-то бросил в него яйцом, а овощи из корзины кто-то высыпал на землю.

Чэнь Суйхань строго сказал сыну:

— Если у тебя действительно есть какие-то отношения с этим министром, скажи мне правду. Я лучше тебя выгоню, чтобы не позорить семью.

Слухи становились всё громче и неприятнее: что Чэнь Шучжи опозорил дочь Чжоу Фу, и она покончила с собой; что Бай Цунлай бросил жену и детей ради Чэнь Шучжи и планирует назначить его на высокую должность в Министерстве ритуалов; что дом в пригороде, где живёт Чэнь Шучжи, был куплен Бай Цунлаем для их тайных встреч, и кто-то даже подглядывал за ними...

Чэнь Шучжи был на грани срыва. Куда бы он ни пошёл, все вокруг слышали о нём слухи. Как только его узнавали, он сталкивался с насмешками и издевательствами.

Неужели так будет продолжаться?!

Он думал пойти к Чжоу Фу, но Чжоу Фу хотел денег, а Чэнь Шучжи не мог дать ему этого, у него не было ничего, что могло бы удовлетворить Чжоу Фу.

В конце концов он решил обратиться напрямую к Бай Цунлаю.

Найти Бай Цунлая было непросто. Если бы он пошёл к нему в Министерство ритуалов, дом или подстерег его после работы, это только усилило бы слухи. В конце концов он смог поговорить с ним только на собрании в Зале Суинь.

Доставка провизии на фронт из всех провинций затягивалась, и участники Зала Суинь изучили сотрудников Министерства финансов и провинций, придя к выводу, что это делалось умышленно Оуян Цином.

Он угрожал тем, кто выступал против его клики: если они продолжат так поступать, то не получат провизии.

Что же делать? Лян Хуань спросил Бай Цунлая, и тот предложил несколько вариантов, а затем сказал:

— Я уже много лет работаю в Министерстве ритуалов, я не разбираюсь в вопросах провизии. Может, вы спросите премьер-министра Линя? Он тоже хочет бороться с кликой Оуяна, его совет будет полезнее.

На самом деле Бай Цунлай всё понимал, он просто не хотел брать на себя ответственность.

Если бы что-то пошло не так, его, как министра ритуалов, не наказали бы, но могло ли это вызвать недовольство императора? Это было неизвестно.

После собрания Чэнь Шучжи остановил Бай Цунлая и спросил, как быть со слухами.

Бай Цунлай развёл руками:

— Я не знаю, я ничего не могу сделать.

Проработав в Министерстве ритуалов столько лет, он мог бы легко справиться с такими слухами, но ему просто не хотелось этим заниматься. Для Чэнь Шучжи это было важно, а для него — пустяк.

Бай Цунлай за годы заслужил репутацию, став известной фигурой при дворе. Даже если бы он спал с молодым человеком и устроил его в Академию Ханьлинь, это не было бы чем-то из ряда вон выходящим. Никто не осмелился бы указывать на него пальцем, и его семья бы не пострадала.

В итоге Бай Цунлая вызвал сам Лян Хуань.

Слухи уже распространились по всей столице, и Лян Хуань, конечно, не остался в неведении. Сначала он не обращал на это внимания, считая, что эти беспочвенные слухи сами собой исчезнут.

Но слухи не исчезли, а только усилились. Он наконец понял, что Чэнь Шучжи, возможно, просто не в состоянии справиться с трудностями.

Поэтому он вызвал Бай Цунлая и сказал:

— Ты не должен оставаться в стороне. Для тебя это не имеет последствий, но Чэнь Шучжи — человек, которого я хочу использовать. Нельзя допустить, чтобы он покинул Академию Ханьлинь с испорченной репутацией.

Бай Цунлай, хоть и не хотел вмешиваться, не мог игнорировать слова императора. Он долго думал и сказал:

— У меня есть идея, но сначала нужно обсудить её с ним...

Выслушав его предложение, Лян Хуань долго молчал, а затем произнёс:

— Возвращайся, я поговорю с ним.

*

Чэнь Шучжи обычно видел Лян Хуаня в Зале Суинь в Академии Ханьлинь и не помнил, когда в последний раз был во Дворце Вэйян и по какому поводу. Естественно, он не хотел об этом думать.

Он вошёл в главный зал и увидел Лян Хуаня, сидящего на троне. Краем глаза он заметил, что сегодня император выглядел иначе, более... отстранённым и холодным.

Видимо, после прошлого случая он всё понял.

Он, как обычно, почтительно опустился на колени, но Лян Хуань не велел ему вставать, а

просто холодно спросил:

— Ты знаешь, зачем я тебя вызвал?

Он не ожидал, что Лян Хуань начнёт с вопроса, и подумал, что это может быть связано только с одним событием.

— Это из-за того, что обо мне говорят...

О чём говорят? Чэнь Шучжи не закончил фразу. Он не знал, как правильно описать это перед императором.

— Что ты думаешь? — Голос Лян Хуаня был спокоен, как будто он обсуждал обычные государственные дела.

Чэнь Шучжи опустил голову и сдержанно сказал:

— Ваше Величество, я глуп, у меня нет идей, я бессилён.

Лян Хуань усмехнулся, и его слова были ледяными:

— Ты не можешь быть бессильным. Если эти разговоры не прекратятся, твоя будущая должность будет под угрозой. Я не позволю этому случиться.

Чэнь Шучжи прекрасно понимал, что Лян Хуань заботился об этом только потому, что планировал использовать его в своих целях, а не из-за личных отношений.

Линь Чжухуэй: Ваше Величество, обнаружили изменника родине, не кастрировать ли его?

Лян Хуань: Не надо, я знаю его, он не посмеет контратаковать~ =w=

<http://bllate.org/book/16213/1455989>